

Юлий Мартов и Владимир Ленин

(Революция и нравственность)

Блистательный политик и безусловно моральный деятель. Что важнее? Могут ли быть совмещены эти два подхода (и нужно ли их совмещать)? Как повлияла позиция каждого из них на их роль и место в революционном процессе и на ход самого революционного процесса? Какие уроки могут быть извлечены из опыта их деятельности и борьбы? И каким, по мнению автора, должен быть современный политик? Таковы некоторые из главных вопросов предлагаемой статьи.

Пора! Пора воздать должное Юлию Осиповичу Мартову, выдающемуся общественному деятелю России, уникальному социальному мыслителю, непревзойдённому публицисту.

Как «не горят рукописи», так «не горят», так не сгорают в памяти людей имена и мысли тех, кто, пафосно говоря, самоотверженно служил Человечеству и Отечеству своему.

Хотя немало сил было приложено, чтобы спалить память об этом замечательном человеке. Сталинские философствующие ястребы просто рвали его на куски. А начало этому положил, между прочим, Лев Давидович Троцкий (и об этом я говорю с сожалением). Это он, яростный оратор Октября, раздражённый злобными нападками и демонстративным уходом меньшевиков и эсеров со съезда, закреплявшего победу Октябрьского восстания, воскликнул: «Тем, кто отсюда ушёл и кто выступает с предложениями, мы должны сказать: вы – жалкие единицы, вы банкроты, ваша роль сыграна и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории...».¹ Да, к основной (и откровенно враждебной) группе меньшевиков и эсеров Троцкий походя пристегнул и Мартова, который, отнюдь не собираясь покидать съезд, выступил лишь с предложением о поиске компромисса и возможного примирения всех социалистических

¹ Суханов Н.Н. Записки о революции. Том 3. М., «республика», 1992. С. 337

партий на базе создания «однородного социалистического правительства». Хотя Мартова Лев Давидович, несмотря на разногласия, в общем-то, любил, но, будучи большим любителем красного и острого словца, отправил его в мусорную корзину истории (хотя впоследствии не раз отзывался с большой теплотой, называя «Добролюбовым демократической публицистики»).

А вот сталинские ястребы швыряли Мартова в «мусорную корзину истории» с садистским наслаждением и старались запихнуть его на самое её дно. И заталкивали его туда ленинскими цитатами, бесовестно вырывая их из контекстов статей и времён. И замалчивали постоянно прорывавшееся у Ленина тёпло-трогательное отношение к своему оппоненту. И, в особенности, это – можно сказать, итоговое, переданное нам Горьким: «Жаль, Мартова нет с нами, очень жаль! Какой это удивительный товарищ, какой чистый человек!.. Какая умница! Эх...». Сравните с этим писания, сталинского выдвигенца, заместителя директора института марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) В.Г. Сорина: «На самом деле, Мартов просто-напросто прихвастнул и прилгнул насчёт своей действительной роли» в деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»². Или некто И. Вардин (между прочим, референт ВЧК): в протестах Мартова против террора и смертной казни он видит «лицемерие и двурушничество», литературные «упражнения попа от меньшевизма». И претендующий на роль сталинского интеллектуала (директор института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) в 1931-1930 гг.) В.В. Адоратский: призыв Мартова к установлению демократии в России – это не что иное, как призыв к «восстановлению диктатуры буржуазии», как желание свергнуть советскую власть и «заменить революционную диктатуру пролетариата буржуазным правительством»³. Эти лживые инсинуации – по сути, подготовка судебной расправы над оставшимися ещё в живых «мартовцами». Расправы, которая не заставила себя долго ждать.

² Сорин В.Г. Первые шаги Ленина по созданию партии. М., 1934. С. 92, 99-101.

³ См. Урилов И.Х. Ю.А. Мартов. Политик и историк. М., Наука, 1997. С. 46.

1 марта 1931 года открылся «Процесс контрреволюционной организации меньшевиков, где главными фигурантами были «мартовцы» Н.Н. Суханов (ближайший сподвижник Мартова в событиях 1917 года), А.Л. Соколовский и др. И выступал сталинский прокурор Н.В. Крыленко. И изгалялся, как мог, над затравленными на следствии, абсолютно беззащитными людьми: они «называли себя социалистами», но на самом деле это – «социалисты-вредители, сверх того интервенты – социалисты-интервенты. Сверх того, они часть блока, единого политического блока с откровенными буржуазно-фашистскими организациями», «они – «социалисты»-фашисты»⁴. И дальше – по нарастающей: «Мы будем обвинять данную группу лиц, так называемое «Союзное бюро» РСДРП (заметим, в скобках, что никакого такого «Бюро» не существовало, его «создали», его придумали» изуверы-следователи – Г.В.) в тягчайших преступлениях: это, во-первых, в постановке своей целью реставрировать капиталистический строй в нашем Союзе, реставрировать со всеми мерзостями капиталистического строя», «для её осуществления заключили политический блок с откровенными буржуазными, контрреволюционно-фашистскими организациями»; «поставя эту цель, они приняли вредительство как основной метод своей работы, понимая под этим дезорганизацию и расстройство нашего хозяйства, срыв наших хозяйственных построений и планов и организовывали голод и страдания рабочих масс и страдания всех трудящихся масс нашего Союза»; «мы будем обвинять их в подготовке интервенции со всеми её последствиями – с террором озверелой белогвардейщины, с реками крови, которые бы эта интервенция нам принесла», «мы обвиняем их в измене мировой революции и предательстве мирового пролетариата»⁵.

И прокурор-лжец, прокурор-палач Крыленко под «бурные аплодисменты всего зала» требует от судей «проявить максимум жёсткости по отношению к подсудимым»: одним - назначить «высшую меру социальной защиты» (так изящно именуется

⁴ Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта – 9 марта 1931 г.). М., 1931. С. 325, 326.

⁵ Там же. С. 327, 328.

«расстрел»), другим – «изоляция» (то есть тюрьму или лагерь) «на максимально продолжительный срок».

Особое внимание, конечно, Суханову. Он не только «вредитель» и «социал-фашист», но ещё, оказывается (чтобы совсем унижить и растоптать!) «Хлестаков в политике и авантюрист на практике». И вывод: «Я считаю, что эта политическая хлестаковщина вместе с этой беспринципностью создают из него, в связи с его претенциозностью, в связи с его желанием быть на первых ролях, лицо (я свято сохраняю всю неповторимость крыленковского стиля! – Г.В.), о котором я мог бы сказать, что не знаю, где та грань, на которой он мог бы остановиться в своей дальнейшей контрреволюционной эволюции. Этой грани нет».

И заключение: «Ни одной минуты я не колеблюсь утверждать, что наша революция, мировая революция, а уже тем паче мировая история ничего не потеряют от того, что с лица земного шара исчезнет один из тех персонажей, представителем которых является гр-н Суханов»⁶. Смысл этого ёрничества человека, упоённого безграничной и бесконтрольной властью над жизнями людей, понятен: «Расстрелять!».

Суд, правда, (возможно, под давлением «мирового общественного мнения», с которым при начале политических процессов, ещё немного, по-видимому, считались, и, может быть, по причине уж очень бросающейся в глаза абсурдности обвинений) проявил некоторую гуманность: тем, кому прокурор Крыленко требовал расстрела, назначил десять лет заключения (максимальный по тем временам срок).

Остаётся к этому сделать пару добавлений.

Первое. Через несколько лет, в 1938 году, товарищ Крыленко сам был арестован и расстрелян – сталинцы любили прятать конца в воду, разделяваясь с выполнившими свою грязную работу холуями. И вlepили ему все те замечательные характеристики, которые так блистательно он когда-то сам создавал: «вредитель», «террорист», «враг социалистического строительства». И

⁶ Там же. С. 357.

организацию «фашистско-террористическую» ему тоже придумали, и включил в неё товарищ Крыленко (наверное, при хорошей «помощи» следователей) 30 человек, судьба которых, по-видимому, тоже была нерадостной.

И второе. А Суханова решили всё же добить, «стереть с лица земного шара» (как выразился когда-то прокурор Крыленко). Ну, как же можно оставлять его «на лице земного шара» в эпоху, когда из всех радиоточек, со страниц всех газет и журналов несётся клич: «показывать во весь рост... исполинскую фигуру Сталина»⁷, а в сухановских «Записках о революции» (самого подробного, самого дотошного изложения событий февральско-октябрьского революционного процесса) Сталин, которого тщатся представить основным, наряду с Лениным, творцом Октября, «во время своей скромной деятельности в Исполнительном комитете производил – не на одного меня – впечатление серого пятна, маячившего тускло и бесследно»⁸.

... В марте 1935 года, после ряда заявлений Суханова с требованием пересмотреть приговор, Президиум ЦИК СССР заменил оставшийся ему срок заключения ссылкой в Тобольск, где он работал экономистом, а затем учителем немецкого языка. 19 сентября 1937 года снова арестован по ложному обвинению в связях с немецкой разведкой, в чём «признался» в ноябре 1938 года под пытками и под угрозой «поставить в аналогичное положение» его жену — Г. К. Суханову-Флаксерман. 29 июня 1940 года приговорён к расстрелу трибуналом Сибирского военного округа. Расстрелян в тот же день в тюрьме города Омск. Захоронен во дворе тюрьмы.

Это была попытка «стереть с лица земли» не просто Суханова, но вместе с ним - память о его соратнике и учителе Юлии Мартове. Ибо нравственные и демократические принципы Мартова были абсолютно несовместимы с «казарменно-коммунистической» идеологией сталинизма...

⁷ См. «Пролетарская революция», 1934, № 4.

⁸ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1. С. 280.

А когда к концу XX столетия сталинско-брежневская историография рухнула и как будто бы появилась возможность очистить от лжи и грязи славных деятелей прошлого, Мартову опять не повезло. Для захвативших идеологическое пространство политиков и идеологов насаждавшегося в России олигархического капитализма Мартов тоже был персоной нон-грата: ну, как же, он же за «социальное равенство», за «социализм»; да, за «гуманный», «демократический», «нравственный», но всё же за «социализм» - слово, действующее на идеологов олигархата, как красная тряпка на известное животное.

И снова Мартов – в глубоком забвении, снова – где-то рядом с «мусорной корзиной».

Правда, не перевелись ещё на Руси честные, мужественные, добросовестные авторы, готовые и способные идти против течения. Вышла в 1997 году книга И.Х. Урилова «Мартов» - одинокий голос правды в антисоциалистическом, всё собой заглушающем хоре идеологов олигархата. Книга Урилова – первый у нас фундаментальный рассказ о жизни, судьбе и идеях Мартова. Объективный анализ, без изначально заданной тенденции. Книга – стремление пробиться к истинному Мартову.

И если вступать в дискуссию с И.Х. Уриловым по каким-то сюжетам, то такая дискуссия не может быть ничем иным, как соразмышлением, как попыткой двигаться по пути дальнейшего углубления и понимания проблем, поставленных деятельностью Мартова и той революционной эпохой, в которой ему довелось действовать. Так, можно было бы упрекнуть автора, что в справедливой критике абсолютизации ленинских идей (которые для историков прежних времён были абсолютной, непререкаемой истиной), справедливо, повторяем, критикуя подобную ситуацию в исторической науке, автор, на наш взгляд, иногда перегибает палку в противоположную сторону. Если для прежних историков в споре Ленин-Мартов всегда и безоговорочно был прав Ленин, и всегда – столь же безоговорочно – неправ был Мартов, то, как нам показалось, для И.Х. Урилова в этом споре почти всегда более

прав Мартов. Наверное, есть смысл тут более сбалансированно расставить акценты. Но как бы там ни было, портрет Мартова, нарисованный Уриловым, по сравнению с другими портретами, ближе всех к оригиналу.

А теперь перейдём к собственно Проблеме, поставленной всей жизнью, судьбой, идеологической и публицистической деятельностью Мартова, - «Политика и мораль в революционном процессе».

Но прежде - **Краткая биографическая хроника**

1873 г. – год рождения. Дед Александр Осипович Цедербаум, основатель первых в России еврейских газет и журналов. Отец – Иосиф Александрович, служил в Русском обществе пароходства и торговли, работал корреспондентом «Петербургских новостей» и «Нового времени». Братья Сергей (псевдоним «Ежов»), Владимир (псевдоним «Левицкий»), сестра Лидия стали известными политическими деятелями.

1891 г. Окончание Санкт-Петербургской классической гимназии, поступление на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Создаёт революционный кружок.

1892 г. – первый арест - за распространение нелегальной литературы. Полтора года – в Доме предварительного заключения и в «Крестах».

1893 г. – исключён из университета, выслан под гласный надзор полиции в Вильно.

1895 г. – вместе с В.И. Ульяновым основывает «Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса».

1896 г. – арест, ссылка в Туруханск.

1900 г. – окончание ссылки, в рамках «тройственного союза» (А.Н. Потресов, В.И. Ленин, О. Ю. Мартов) активно работает по подготовке к изданию главных органов российской социал-демократии «Искры» и «Зари».

1901 г. – эмиграция в Германию, один из самых активных сотрудников «Искры».

1903 г. – II съезд РСДРП, расхождение с Лениным. Появление двух течений в партии – большевиков («ленинцев») и меньшевиков («мартовцев»).

1905 г. – участие в революции, член Петербургского совета рабочих депутатов

1906 г. – арест, приговорён к трёхгодичной ссылке в Нарымский край, заменённой вскоре высылкой за границу.

1907-1917 гг – в эмиграции, активная деятельность в качестве лидера меньшевиков.

1917 г. (9 мая) – возвращение в Россию, критика «меньшевиков-оборонцев», выступает «за мир без аннексий и контрибуций», создаёт сравнительно небольшую группу внутри меньшевистской партии – «меньшевики-интернационалисты» (по взглядам на войну - близкую к большевикам). Выступает против правительственной коалиции меньшевиков и эсеров с представителями буржуазии.

1917 г. – входил в руководящие органы Совета и Верховного Совета Российской Республики («Предпарламента» - сентябрь).

Октябрь 1917 г. – сложное, неоднозначное отношение к Октябрьской революции: признание её неизбежности и острая критика большевистских методов её осуществления; выступал за создание «однородного социалистического правительства» (с участием, наряду с большевиками, меньшевиков и эсеров).

1918-1920 гг. – член ВЦИК, депутат Моссовета (от меньшевиков), действительный член Социалистической академии.

1920 г. – уехал с разрешения Советского руководства в Германию для участия в международной конференции социал-демократов. Тяжело больной туберкулёзом, в Россию не вернулся. Основал журнал «Социалистический вестник».

1923 г. (4 апреля) – умер, похоронен в Берлине.

Нравственный камертон: без единой фальшивой ноты

Мартов – уникальный случай нравственной чистоты. Нравственный камертон! Как рождается он, и почему, не фальшивя, звучит на протяжении всей жизни Юлия Осиповича? Где его начало, его исток?

Вот один случай, о котором поведал Мартов в своих «Записках социал-демократа». Можно, конечно, сказать, что это пустячок – так, незначительное событие детской жизни. А можно увидеть в нём нечто совершенно уникальное, некий даже нравственный подвиг, обозначающий начало большой нравственной жизни.

Случилось это в 7-й Санкт-Петербургской гимназии, учебном заведении, подобном бурсе Помяловского, где старшие дети поколачивают младших, где шкода считается геройством, где грубые (а нередко и подвыпившие) учителя подавляют и унижают учеников и где ученики, со своей стороны, встречая робкого учителя, не отказывают себе в удовольствии вдоволь поиздеваться над ним, доводя до слёз, до истерики. Проблемы получения знаний для гимназистов там не существует, ни о каком человеческом достоинстве, чести там речь не идёт. Просто не знают, что это такое. В общем: Помяловский, бурса.

Среди грозных и грубых учителей особенно выделялся один, о котором ученики, имея в виду его лютые расправы, распевали между собой: «Вильгельм Антоныч Канский – зверь американский». Этот «зверь американский» с особым пренебрежением относился к еврейским ребятишкам и детям из бедных семейств. И случилась очередная его грубость. Мальчику, сыну дворника, не слишком преуспевающему в учёбе, Вильгельм Антоныч, ставя единицу, презрительно бросил: «Пишите письмо в деревню...».

И тут случилось ЭТО. Я увидел, вспоминает Мартов, как совершенно «убитый» возвращается гимназист на своё место. «Во мне что-то закипело, и я неожиданно громко и гневно крикнул: «Дурак!»».

Почему для меня это сродни подвигу? Ну, представьте себе: грозный, грубый, «лютый» учитель, от одного взгляда которого дрожали «бурсаки» 7-й гимназии, и перед ним тщедушный 11-летний еврейский мальчик, побелевшими губами бросающий ему в лицо такое слово! «Класс обомлел, а я почувствовал, как душа моя стремительно летит по направлению к пяткам». И всё-таки сказал!..

И это не был случайный эмоциональный взрыв, который быстро вспыхивает и быстро проходит. Это было закономерным проявлением системы нравственных принципов, которые уже тогда составляли духовный мир юного гимназиста. Юлий, вспоминает его сестра Лидия, придумал удивительную для мальчика его возраста игру, в которую вовлёл своих братьев и сестёр: основал некий город «Приличинск», граждане которого должны были жить по законам правды, чести, заботы о ближнем... Идеальный мир нравственной чистоты и моральной стойкости! «Уставу» этого необыкновенного города Мартов был верен всю свою жизнь.

Лидия Осиповна вспоминала, как в 1917 году при разногласиях Мартова и Дана в связи с высылкой из России швейцарского социалиста Гримма, Мартов «в ярости против Временного правительства, против Церетели и Дана, стал отказываться от уже принятого решения - поселиться всем вместе и сказал: «Нет, уж лучше мне вернуться в Приличинск. Ты решай, как можешь, а я – в «Приличинск». «В те далёкие наши детские годы, - продолжала сестра Мартова, - было заложено многое из того, что осталось на всю жизнь и многое в жизни всех нас определило»⁹.

«Было заложено». Кем? Чем?

Гельвеций однажды сказал: «*L'homme est tout éducation*» (человек целиком зависит от воспитания). Не «природой» закладываются, не «природой» формируются духовно-нравственные устремления, которым следует человек. Воспитанием! Воздействием окружающей его среды.

В случае с Юлием, думаю, не обошлось без влияния на него деда - Александра Осиповича Цедербаума, просветителя,

⁹ См. Урилов И.Х. Мартов. С.18.

общественного деятеля, основателя первых в России еврейских газет и журналов, и отца – Иосифа Александровича, работавшего корреспондентом «Петербургских новостей» и «Нового времени». Книжки, которые читались в этой семье (Герцен, Толстой, Чернышевский, Писарев, Гюго, Шиллер...), разговоры, которые за вечерним чаем вели взрослые и к которым внимательно прислушивался Юлий – о политических процессах, о борцах за свободу, против деспотизма – они постепенно формировали духовно-нравственный мир мальчика, исподволь подготавливали «законы», по которым жили обитатели Приличинска.

«Законы» этого идеального города проявлялись потом в каждом – большом и малом – поступке Мартова, в каждом его слове, в каждом жесте. Обогащённые жизненным опытом они становились его мировоззрением.

Похороны революционного мыслителя Шелгунова. Демонстрация – рабочие, студенты, венки со свободолюбивыми лозунгами. И мальчишки-гимназисты с Юлием во главе. По сторонам – полиция, фиксирующая участников шествия. Взрослые советуют ребятам «раствориться», «не светиться» – могут быть серьёзные неприятности в гимназии. Часть ребят уходит. Юлий остаётся! «Я почувствовал желание занять место в кучке рабочих... Пожилой (рабочий) сжимал в руках здоровую дубину, в которой я с почтением прозревал могучее оружие на случай столкновения с полицией и казаками. Робко предложил я рабочему с дубиной помочь им нести венок. Рабочие согласились, и я с восторгом держался за венок...»¹⁰. Приличинск!

Университет. Естественное отделение физико-математического факультета. Ну, не может Юлий с головой уйти в научные формулы, когда вокруг столько бед, страданий, несправедливостей. Законы Приличинска требуют противостоять этому. Революционный кружок, первые листовки и первый арест. На следствии – безукоризнен: никаких сведений ни о ком из участников. А по выходе на свободу – беспощаден (морально!) к

¹⁰ Мартов Ю. Записки социал-демократа. М., 1924. С. 62.

тем, кто «сломался» на следствии. Они становятся для него нерукопожатными. Сразу и навсегда! Врата Приличинска для них закрыты наглухо!

1895 год. С Ульяновым – революционно-просветительский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Новый арест. Ссылка в Туруханск. Место губительное вообще, а для Юлия с его слабыми лёгкими – в особенности. Обратись к властям, попроси более благоприятное место, сошлись на своё здоровье... Нет! Категорически – нет! Законы Приличинска не позволяют прогибаться перед властью имущими!

Или этот эпизод. Тоже как бы не слишком значительный. Но это только на первый взгляд.

II съезд партии. Ленин предлагает новую редакцию «Искры» — три человека: Плеханов, Мартов, Ленин. Из предыдущей, «прославленной редакции» устраняются Засулич, Аксельрод, Потресов. Мартов горячится: нельзя так бесцеремонно отставлять заслуженных товарищей. Я думаю, с точки зрения «интересов дела» Ленин был безусловно прав. Он убедительно объяснял впоследствии: «Жизнь распорядилась не по личным привязанностям и интригам, а по работе. Практически только двое из всей славной шестерки были выпускающими редакторами и готовили номера «Искры» — Мартов и Ленин. Все остальные требовали согласования, но не давали статей и не вели практической работы. При всем моем уважении к этим товарищам как к личностям и к их прошлым заслугам в настоящее время это был балласт».

Но есть, чёрт возьми, своя доля правоты и у Мартова. «Дело» делом, но ведь важно не просто «дело», но человек в «деле». Ведь все «дела» делаются людьми и для людей. Вполне возможно было решить эту проблему более деликатным, более лояльным образом, без наклеивания этих ярлыков – «балласт» и т.п. Было вполне возможно соединить «деловой» подход Ленина и нравственный — Мартова.

Но, пожалуй, никогда Нравственный камертон Мартова не звучал с такой чистотой и с такой силой, как в июльские дни 1917 года.

«Июльские дни» - один из самых драматических моментов февральско-октябрьского революционного процесса. 3-4 июля вышли на демонстрацию доведённые нуждой и бесправием до отчаяния сотни тысяч рабочих и солдат. Со знамёнами: «Долой министров-капиталистов!», «Долой Временное правительство!», «Вся власть – Советам!». И звучали требования: «Мы требуем, чтобы немедленно была взята земля, чтобы немедленно был учреждён контроль над промышленностью, мы требуем борьбы с грозящим голодом»¹¹.

Часть демонстрантов, зная жёсткие нравы правительства, прихватило с собой – для возможного отпора – винтовки и пулемёты. Были, правда, среди них и горячие головы, требовавшие вооружённого свержения власти.

Большевики стремились удержать движение в мирном русле. «Мы понимаем горечь, мы понимаем возбуждение питерских рабочих, - писал Ленин в «Правде», - но мы говорим им: товарищи, выступление сейчас было бы нецелесообразным»¹². Но возмущённая народная стихия перекатывалась не только через головы возглавлявших Советы меньшевиков и эсеров, но и через головы большевиков. Сдерживающие речи большевистских агитаторов народ нередко встречал негодованием: «Долой, опять желают затянуть дело. Дальше так жить невозможно. Вся власть Советам!»¹³. Показательна сценка, описанная Милюковым: Рослый рабочий подносит кулак к лицу лидера эсеров Чернова и исступлённо кричит: «Принимай, сукин сын, власть, коли дают»¹⁴.

И в такой накалённой обстановке большевик Каменев – с трибуны Таврического дворца: «Мы не призывали к выступлению, но народные массы сами вышли на улицу... А раз массы вышли – наше место среди них... Наша задача теперь в том, чтобы придать

¹¹ Троцкий Л. История русской революции. Том второй, часть первая. М., 1997. С. 48.

¹² Троцкий Л. История русской революции. Том второй, часть первая. М., 1997. С. 18.

¹³ См. Там же. С. 25.

¹⁴ См. Там же. С. 45.

движению организованный характер»¹⁵. И солидарный с большевиками Троцкий: «... превратить июльское движение в восстание значило бы почти наверняка похоронить революцию»¹⁶.

Кажется, позиция большевиков абсолютно ясна: они за мирное шествие. Но большевики для всех партий – от октябристов и кадетов до меньшевиков и эсеров – как кость в горле. А тут вроде подворачивается хороший повод: обвинить во всём большевиков и разделаться с ними, стерев их с политического лица России. И после подавления июльского выступления масс, начинается дикая травля, жесточайшее преследование большевиков.

Керенский: «Всех участвовавших в организации и руководстве вооружённым выступлением против государственной власти... арестовать и привлечь к судебной ответственности как виновных в измене родине и предательстве революции»¹⁷.

Таврический дворец 13 июля. Керенский и Чхеидзе в унисон: покончить с большевизмом. Обнимаются. «Зал сотрясаясь от рукоплесканий». И следом лидер меньшевиков Дан переводит пылкие объятия своих соратников на язык уголовной прозы – предлагает «в резких тонах резолюцию, обвинявшую большевиков в преступлениях против народа и революции»¹⁸. Травля большевиков набирает обороты. Ленин – Троцкому: «Теперь они нас перестреляют. Самый для них подходящий момент»¹⁹. Подвластные правительству, кадетам, меньшевикам и эсерам газеты – в один голос: «предатели», «изменники», «немецкие шпионы», «германские агенты, субсидируемые Берлином». Под аккомпанемент этой идеологической кампании ведутся силовые действия: 5 июля – разгром редакции и типографии «Правды», вооружённые отряды выбивают большевиков из их штаба в особняке Кшесинской, 6 июля – штурмом берут Петропавловку, где укрывались большевики. Кабинет министров издаёт приказ об

¹⁵ См. Там же. С. 32.

¹⁶ Там же. С. 82.

¹⁷ Рабинович Александр. Большевики приходят к власти. М., 1989. С. 54.

¹⁸ Там же. С. 61, 62.

¹⁹ См. Урилов И.Х. Мартов. М., 1997. С. 260.

аресте Ленина, Зиновьева, Каменева. Арестованы Троцкий, Луначарский...

Ситуация противобольшевистской истерии настолько накалена, что ни одна политическая сила, ни один политический деятель из небольшевистского лагеря не решается сказать хоть одно слово, осуждающее истерию лжи и угроз.

Впрочем, нет. Один человек всё же нашёлся. Один – против течения. Один – против всех! Это был Мартов!

Поразительно тут вот что. Мартов, ведь, был принципиальным политическим оппонентом Ленина (и его партии). По-разному они видели цели и перспективы революционного процесса, по-разному оценивали допустимые методы революционных преобразований. И часто весьма остро и резко полемизировали друг с другом. И, казалось, вот наступил момент, когда твой оппонент терпит жестокое фиаско. Может, порадоваться этому? А, может, принять участие в его добивании? Или даже просто помолчать, внутренне радуясь, как его добивают другие?

А если вступиться? Страшно, ведь. Тут не гимназические «звери американские», тут «звери», обладающие тюрьмами, газетами, полицейскими дубинками и армейскими штыками. И настроенные весьма агрессивно.

Но... «Приличинск»! Но его «уставы» и «законы»...

И Мартов бесстрашно бросается на защиту большевиков. Нет, он не защищает их программы, их стратегические установки, их тактические решения. Он по-прежнему их противник. Он бросается защищать их от гнусных клевет, от несправедливых обвинений, от преследований, далеко выходящих за пределы правовых и нравственных норм.

Заседание ВЦИК 13 июля. Дан (один из лидеров меньшевистской партии, членом которой, между прочим, являлся и Мартов) требует суда над большевиками, обвиняя их в организации мятежа 3-4 июля и в получении немецких денег. И берёт слово Мартов и заявляет, что «преследование большевиков вызвано давлением

контрреволюционной улицы и прессы»²⁰. Иначе говоря, он не большевиков считает «контрреволюционерами» (как то хотят представить Дан с Керенским). Он «контрреволюционерами» считает тех, кто их преследует (прозрачный намёк на политиков, подобных Дану и Керенскому). «Для Мартова, комментирует эту ситуацию И.Х. Урилов, главными контрреволюционерами были не большевики, а ... сторонники войны и диктатуры»²¹.

Ещё более остро схлестнулись Дан и Мартов на Петроградской конференции меньшевиков 15-16 июля. Мартов, определяя, кто несёт главную ответственность за столкновения 3-5 июля, возражал Дану: Кризис вызван не большевиками, не июльской демонстрацией, а тем, что «политика мира и коренной демократизации страны, отстаиваемая революционной демократией, столкнулась с интересами различных слоёв имущих классов и союзнического империализма». «Отсутствие радикальных экономических и финансовых реформ, пишет Урилов, компромисс социалистов с антидемократическими силами (коалиционное правительство) и привели, по мнению Мартова, к стихийному бунту 3-5 июля»²².

Пленум ВЦИК, 17 июля. «Мартов, точно констатирует Урилов, был бескомпромиссен в защите демократических принципов, всякое их нарушение для него равносильно контрреволюции... он протестовал против незаконного (без суда) закрытия большевистских газет и предлагал революционной демократии взять власть, если она не хочет потерять свой «голос в решении дальнейшей судьбы» революции»²³. Вот так! Это же, по сути, лозунг той стихийной рабочей и солдатской массы, вышедшей на демонстрацию 3-5 июля!

Суханов так описывает позицию Мартова: «Мартов предостерегал против сколько-нибудь решительных публичных нападений на большевиков: отгораживание от них должно проводиться в самых мягких и спокойных формах. Слепое

²⁰ Урилов И.Х. Мартов. С. 257.

²¹ Там же.

²² Урилов И.Х. Мартов. С. 257-258.

²³ Там же. С. 258.

озлобление против них, как симптом массовой реакции, и без того резко определилось... Напротив, со всей силой необходимо обрушиться на всё то, что служит реакции. Необходимо разоблачать козни штаба; и надо избегать малейших проявлений солидарности с победившим советским большинством»²⁴ (т.е. со всеми этими Данами, Церетелими, Чхеидземи...).

И не просто «избегать солидарности», но открыто противостоять этому «большинству». Особенно ярко позицию Мартова высвечивает его схватка с Церетели на одном из заседаний ЦИК, описанная Сухановым: «Мартов потребовал слова для внеочередного заявления. Он произнёс небольшую речь и огласил наш протест по поводу арестов». О, как взвился обычно выдержанный и спокойный Церетели (занявший место министра внутренних дел): «Зачем существуют на свете эти (выступавшие с протестами) большевики второго сорта, когда имеется первый сорт? Он, Церетели, предпочитает иметь дело с Лениным, но не с Мартовым. С первым он знает, как надо обращаться, а второй связывает ему руки... Что касается репрессий и арестов, то они вызваны государственной необходимостью и интересами революции. «Безответственным группам (т.е. мартовцам – Г.В.)» надлежит помалкивать»²⁵.

Мартов не был «большевиком второго сорта», он вообще не был большевиком. Он был Нравственным камертоном и – самого высочайшего сорта.

Заметим, что в обстановке обострения политической ситуации нравственные императивы Мартова всё отчётливее принимали форму «демократии, доводимой до конца». Нравственные императивы в политике перерастали в систему демократических требований. С нравственно-демократических позиций он оценивал все последующие события 1917 года.

Он был абсолютным противником идеи «твёрдой (диктаторской) власти» вообще и генерала Корнилова, в особенности. Он страстно

²⁴ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.2. С. 344.

²⁵ Там же. С. 364-365.

возражал (28 августа на заседании ВЦИК) против передачи власти «Директории» Керенского. Он требовал: «Вся власть – демократии!». И в этих целях ратовал за создание однородного социалистического правительства, без всякой примеси «цензовых» (т.е. буржуазных) элементов. Страстно выступал против малейшего нарушения демократических (и значит нравственных) принципов. Когда Церетели (на объединённом съезде РСДРП(о) 19 августа) предложил не допускать в ЦК представителей одной из фракций, Мартов тотчас назвал это «тактикой русских держиморд». И это – о руководстве партии, которую когда-то создавал Мартов и которая претендовала на роль главного лидера российской демократии! Как это похоже на ту знаменитую реплику «Дурак!», которую бросил когда-то юный гимназист в лицо хаму-наставнику...

Нравственно-демократические принципы, исповедуемые Мартовым, предопределили и его своеобразное отношение к Октябрю, отличавшее его от политиков всех других не-большевистских и антибольшевистских партий.

Вот, к примеру, Дан (на заседании Предпарламента, накануне Октября): «В массе своей рабочий класс не пойдёт на ту авантюру, на которую его толкают большевики... Необходимо вырвать почву из-под ног большевизма». И ещё - один из видных меньшевиков, министр труда Кузьма Гвоздев. Говорил о том, за большевиками идёт чернь, что сам он настоящий рабочий и рабочего знает и что Временное правительство, вопреки басням большевиков, пользуется доверием. А следом за ними – Мартов («Министр будущего большевистского кабинета!») - звучит ехидная реплика из зала): «Слова министра Гвоздева, позволившего себе говорить о черни, когда речь идёт о движении значительной части пролетариата и армии, хотя бы и направленном к ошибочным целям, слова эти являются вызовом гражданской войны; но мы в рядах с корниловцами не будем ни при каких условиях²⁶.

А позднее, после взятия большевиками власти, он скажет, что пролетариат имеет право на восстание. Но будет возражать против

²⁶ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 3. С. 313.

чересчур насильственных методов, диктаторских форм его осуществления. И, следуя своим нравственно-демократическим императивам, попытается изменить, трансформировать эти методы и формы. На II съезде Советов, решавшем вопрос об отношении к Октябрьскому перевороту, Мартов берёт слово: «Прежде всего надо обеспечить мирное решение кризиса. На улицах Петербурга льётся кровь. Необходимо приостановить военные действия с обеих сторон. Мирное решение кризиса может быть достигнуто созданием власти, которая была бы признана всей демократией». Имелось в виду создание «общедемократического правительства» на основе «переговоров со всеми социалистическими партиями». И поразительно: «к предложению Мартова, пишет Суханов, присоединяются новожиженцы, фронтовая группа, а главное – левые эсеры. От имени большевиков отвечает Луначарский: большевики ровно ничего не имеют против, пусть вопрос о мирном разрешении кризиса будет поставлен в первую очередь. Предложение Мартова голосуется. Против – никого»²⁷. Единогласно! Это был звёздный час Мартова. Казалось, удаётся повернуть события в демократическое русло, в мартовское русло ... И не получилось. Мы потом проанализируем – почему. А пока на этом завершим рассказ о нравственно-демократической идеологии Мартова. И перейдём к другой стороне его деятельности – собственно политической. И тут мы вынуждены будем констатировать, что в *политике* у Мартова провал следовал за провалом. Попробуем разобраться, в чём тут дело.

Политика: провал за провалом

Провал первый. Швейцария. Конец февраля 1917 года. Из газет оба они – Мартов и Ленин – узнают: в России революция. Возвращаться! Немедленно!

Заканчивается эмиграция – с её жаркими теоретическими дискуссиями, полемикой в партийных газетах и журналах. Начинается время *действия*, которое они, лидеры партий

²⁷ Там же. С. 335.

(меньшевиков и большевиков), готовили и к которому стремились всю свою жизнь. Начинается главное дело их жизни!

Ленин пишет «Письма из далека» - советы своим однопартийцам. Но это – из «далека», а важно быть в самой гуще событий, чтобы ясно чувствовать их пульс, следить за калейдоскопически меняющимися ситуациями, за расстановкой социальных и политических сил – дабы точно и своевременно на всё это реагировать. Тем более, что, по некоторым сведениям, его соратники в Питере наметили не слишком правильную стратегию. Успеть исправить! В общем – в Россию, и, как можно, скорее. Лучше бы, конечно, через Францию и Англию (союзные с Россией страны). Но английские власти не пропускают российских политиков, стоящих на антивоенных позициях.

А как ещё? На аэроплане, как предлагает Натансон? Да где взять этот «аэроплан» и по небу каких стран на нём лететь? А, может, ехать по паспорту какого-нибудь гражданина из нейтральной страны? Ну, скажем, шведа. И притвориться глухонемым (поскольку шведского языка не знаю). Нет, чушь какая-то: «аэроплан», «глухонемой швед»...

И тут – идея Мартова – через Германию! Но поскольку это воюющая с Россией страна, то Мартов предлагает обратиться к Временному правительству: пусть вернёт Германии группу военнопленных в обмен на проезд россиян по её территории. Но на запрос ответа нет и нет. Потом (через некоторое время) пришёл от Милюкова ответ: никакого «обмена» не будет, езжайте через Англию. Выглядит издевательством, ибо позиция английских властей известна.

Ленин решает: ехать, через Германию! Другого пути нет. Понимал, конечно, что проезд через страну, воюющую с Россией, даст богатую пищу его политическим врагам. Предпринял кое-какие шаги – дабы уменьшить возможность и масштабы инсинуаций: ехать в «пломбированном вагоне», который будет обладать статусом «экстерриториальности», куда никому из немецких граждан заходить не позволено. А при необходимости

общения с россиянами – только через сопровождающего их жителя нейтральной страны – Фридриха Платтена.

И всё же нехороших последствий от такого решения будет немало. И ущерб большевистскому имиджу будет нанесён значительный. И всё же... И всё же всё перевешивает цель – как можно скорее войти в реку революционных событий. Едем!

И 3 апреля – в Питере! И сразу новая стратегия для партии – Апрельские тезисы: никакой поддержки Временному правительству, власть – Советам! И в тот же день доклад на собрании большевиков. Маховик революционной большевистской деятельности начинает набирать обороты.

А что же Мартов, лидер соперничающей с большевиками партии? Он хотел бы избежать неудобств, связанных с несанкционированным проездом через Германию. Мечется на швейцарской земле, посылает телеграмму за телеграммой и всё ждёт спасительного «разрешительного» ответа. Ленин уже завершает последние приготовления перед отъездом, а Мартов всё ещё ожидает официального разрешения. И жалуется своей подруге Надежде Кристи, что вот-де «милюковская банда», «дав полную свободу внутри, снаружи установила кордон хуже прежнего».

Ленин с товарищами уже в российской столице. Выступает с «Апрельскими тезисами», намечая генеральную стратегию большевиков в революции. Уже выступил на одном, другом, третьем собрании. Речи – на массовых митингах. А Мартов всё ещё томится в Швейцарии и плачется Надежде Кристи, что «ответов на наши стоны и мольбы» из России нет.

Вот два вида политика: один уже полностью вошёл в революционное русло, другой - тратит время на «стоны и мольбы», обращённые к «милюковской банде»! А когда, наконец, становится совершенно ясно, что официального разрешения на «обмен» и «проезд» из России так-таки и не будет, Мартов решает двигаться ленинским маршрутом – потеряв более месяца. И прибывает в Петроград 9 мая (через месяц с лишним после Ленина!). И это была не просто потеря времени. Это была потеря

возможности серьёзно влиять на социальные и политические процессы (к чему – субъективно - стремился Мартов).

Ленин приехал, когда его – большевистская – партия только-только начинала нащупывать стратегию своих действий, когда ещё и Совет, и Правительство делали первые осторожные шаги, когда рабочие и солдатские массы ещё приглядывались к партиям и их программам. Ленин приехал вовремя!

Мартов же прибыл, когда – до него и без него – меньшевистская партия в непростых дискуссиях определила направление своего курса, когда для проведения этого курса она выбрала своих лидеров (Чхеидзе, Дан, Церетели), когда она определила своё отношение к Совету и Временному правительству, когда, иначе говоря, она уже двинулась по политическим рельсам, проложенным её новыми руководителями.

И вот «опоздавший» Мартов пытается «догнать» события, наверстать упущенное. Узнаёт в день приезда, что Всероссийская конференция его партии приняла решение войти в правительство, отрядив туда Церетели и Скобелева. Мартов категорически против. Вступить в буржуазное правительство, в коалицию с кадетами, да ещё в заведомом меньшинстве – «это хуже преступления, это глупость»: нести ответственность за политику, на которую, будучи в меньшинстве, невозможно будет серьёзно влиять. Такая коалиция губительна для партии, называющей себя «социалистической». Но – поздно! У меньшевиков уже новые вожди, у этих вождей другой взгляд на события, да и Конференция уже определилась. Горячая речь Мартова растворяется в воздухе.

И снова сетования в письме Кристи: «Масса провинциальных делегатов, приехавшая с иллюзией «объединения» и с уверенностью, что спасти от гражданской войны можно лишь участием в правительстве, настроилась (к позиции Мартова – Г.В.) прямо враждебно».

Прав историк В.И. Минер, написавший: «Если бы Ю.О. Мартов с соратниками вернулись в Россию раньше, скажем, в начале апреля,

вместе с Лениным, курс меньшевиков в последующие месяцы был бы иным»²⁸.

Серьёзно влиять на политику созданной им и возглавляемой им когда-то партии «опоздавшему» Мартову не удаётся на протяжении всего февральско-октябрьского революционного процесса. Он постоянно – на всех форумах партии – заявляет о своей особой позиции, и столь же постоянно эта позиция отвергается подавляющим партийным большинством.

Вот ещё ряд звеньев из цепочки мартовских поражений 1917 года.

Первый Всероссийский съезд Советов (3-24 июня). Мартов критикует Временное правительство за то, что не решает ни одну из задач, стоящих перед страной; и снова – против участия партии в этом правительстве. И разящая критика министров-соглашателей Церетели и Скобелева. Столь революционно-резкая, что идущий рядом с большевиками Лев Троцкий воскликнул: «Да здравствует революционный социал-демократ Мартов!». Но Мартов-то хотел поддержки не Троцкого, а своей партии. Но партия шла за Церетели и Скобелевым.

Объединённое заседание ВЦИК (4 июля). Мартов предлагает альтернативу коалиционному (с буржуазией) правительству – «демократическое правительство под руководством Совета». Намечает основные пункты его программы: перемирие на фронте, демократизация армии, аграрная реформа... И – с треском проваливается: его поддержали лишь 40 человек из более чем 300.

Петроградская конференция меньшевиков (15-16 июля). Снова резкая критика коалиционного правительства за отсутствие радикальных экономических и финансовых реформ. И снова – глас вопиющего в пустыне...

Бюро ВЦИК (4 августа). Против участия в Московском государственном совещании (это будет «сплошная стена контрреволюции военной и буржуазной»). Соратники не только

²⁸ См. Меньшевики в 1917 году. М., 1994. Т. 1, С. 62.

отвергают эти характеристики Мартова, но запрещают «оппозиции» (то есть Мартову) даже выступать на этом государственном совещании. Вот уж провал, так провал!

Заседание ВЦИК (28 августа). Мартов против передачи власти директории (читай – диктатуре) Керенского. И снова – никакой поддержки. 2 сентября Керенский, поддержанный большинством «сопартийцев» Мартова, объявляет о создании Директории.

И подобных фактов множество. Можно приводить ещё и ещё. Главное – практически ни по одному серьёзному политическому вопросу Мартов не получал поддержки своей партии.

В письмах Мартова Кристи всё чаще и всё печальнее звучит тема его «Одиночества».

«Одиноким» пристало быть философу, монашествующему проповеднику. Но не политику. Если ты – «одинокий», значит ты – не Политик!

Уроки Мартова: что делать и чего не делать?

Мы так расписали «провалы» Мартова, что невольно возникает вопрос: насколько же оправданы те высокие оценки, которые мы давали Мартову в начале статьи? Нет ли тут противоречия?

Нет, противоречия нет. То были оценки не его *политической* деятельности, а его нравственно-гуманистического мировоззрения, его блистательной публицистики.

Он был не *вождём* революционных масс, не партийным руководителем, не *политическим* организатором. Вообще он не был *политиком* (хотя и стремился им быть). Он был Просветителем, Проповедником. Просветителем человеческих голов, Проповедником гуманизма.

Да, получилось так, что Мартов не смог стать политическим вождём. И всё же его нравственно-гуманистическая деятельность не прошла бесследно для политики и для политиков. Под влиянием завораживающей красоты Мартовской нравственной проповеди политики, соприкоснувшись с ней, становились (и будут становиться в будущем) чуть-чуть человечнее, чуть-чуть гуманнее,

чуть-чуть демократичнее. И потому с такой симпатией относились к Мартову политики самых различных течений – от кадетов до большевиков.

Да, политическое Дело не далось Мартову. Но политическое (а не только нравственное) Слово ему подчинялось вполне и звучало отчётливо, авторитетно и громко. Он был мастером политического анализа – тонкого, глубокого, блистательно выраженного. Не случайно его называли «Добролюбовым демократической публицистики».

Политические оценки, политические формулы Мартова, как правило, били точно в цель. Вспомним его глубокие, содержательные резолюции, о которых мы писали. А его итоговая (смелая и точная) оценка причин фиаско родственных ему политических партий (меньшевиков и эсеров) в февральско-октябрьском революционном процессе. А его программа демократических реформ (см. документ «Что делать?») – яркая картина политического будущего России, к которому нужно стремиться...

Почти все его так называемые «провалы» - это «провалы» в *практическо-политической* сфере, но не в сфере *теоретико-политической* (за рядом исключений, о которых мы ещё будем говорить). Вся его критика – постоянная, последовательная – руководства меньшевистской (то есть его, Мартова) партии – с самого момента его возвращения в Россию и до Октября была точной, глубокой и конструктивной. Только... Только у него не получалось перевести свои идеи с языка теории на язык практических, политических действий.

Но то, что говорил Мартов о роли нравственности и демократии в социальном (и тем более – революционном) процессе – это войдёт в золотой фонд социальной теории. Это всё Уроки из разряда «Что делать?». Это всё важные *позитивные* уроки Мартова.

Но есть в его деятельности и, так сказать, *негативные* уроки – уроки из разряда «Чего не делать?». И эти, «негативные», уроки не менее важны для современной политической теории и современной

политической практики, чем уроки «позитивные». Мы остановились бы на трёх главных, Мартовских, уроках из разряда «Чего не делать?».

Урок первый. Мы уже отмечали, что в основу политической деятельности Мартов (при всех его оговорках) клал Нравственное начало, Моральные принципы, Гуманистические императивы. Он чересчур абсолютизировал их. И эта абсолютизация была причиной его неудач. Если эти, прекрасные сами по себе, принципы и императивы, будут положены в *основу*, в *фундамент* политической деятельности – ждите сокрушительного фиаско. У политики – свои законы и не все они совпадают с нравственными требованиями.

Ведь в основе, в фундаменте политики лежит «насилие». Политика, как известно, есть процесс согласования интересов людей в обществе, выработка (на основе согласования) стратегии развития социума и реализация этой стратегии – при опоре на власть, государство, насилие (на «легитимное насилие», по слову Макса Вебера). Идёте в политику – знайте: вам придётся прибегать к «насилию». Абсолютизация же «ненасильственных» методов, нравственных императивов не позволит вам быть эффективным политиком.

Разумеется, нравственные требования не исключаются из политической деятельности, они входят в неё как составная часть. Но вам придётся основательно подумать над тем, как эти «части» - политика и мораль – будут сочетаться, как возможно сопряжение политических законов и нравственных императивов. Непростая, очень непростая задача!

Нельзя политику превращать в какой-то вид нравственной деятельности (к чему призывал, например, Эразм Роттердамский в «Воспитании христианского государя»). Но нельзя и отрывать политику от морали (как Макиавелли в своём «Государе»). Уметь сочетать, сопрягать эти два начала – в этом задача политика.

Политика, насилие, не ограниченные нравственностью, выливаются в деспотическое, тоталитарное правление оруэлловского типа. Оно

разрушительно и для отдельной личности, и для общества в целом. С другой стороны, нравственная деятельность, не сочетающаяся с политической, бессильна эффективно влиять на социальное развитие. Это будет мир Слов (прекрасных, возвышенных), но не мир Дел.

Какова же может быть формула их сопряжения?

Да, в основе политической деятельности лежит «насилие». Но дело в том, что *социальная* деятельность гораздо больше, гораздо шире, чем *политика*.

Социальная деятельность – это комбинация политических и не-политических форм деятельности, насильственных и ненасильственных действий. При этом важно иметь в виду, что в ходе исторического общественного развития пространство политики, пространство насилия сужается, а пространство ненасилия расширяется. Это только в самодержавно-монархических, тоталитарных обществах «политика», «государство» - всё. А в обществе демократическом (к которому, при всех трудностях и зигзагах, влечётся мировое социальное развитие) политика – лишь *одна* из сфер деятельности социального человека. Поэтому в современном, стремящемся к демократии, обществе политику следует быть скромнее – не рассматривать себя в качестве «начальника», «господина» социума. У него в нём весьма ограниченные функции. А всё более расширяющееся место занимают (должны занимать) экономика, искусство, наука и мораль, то есть – ненасильственные формы социальности. И поскольку политика находится в постоянном соприкосновении с этими другими формами социальной деятельности и общественного сознания, поскольку насильственные (политические) методы всё время соседствуют с ненасильственными (нравственными), то эти методы должны каким-то образом сочетаться, сопрягаться друг с другом. И это сопряжение нравственных и политических императивов способно дать феномен, который можно именовать «Нравственной политикой».

Что же это конкретно означает? В чём смысл этого сопряжения? В том, по-видимому, что политика должна быть ограничена нравственностью. Нравственность должна быть ограничителем политических действий, формой их гуманизации. И наша итоговая формула такого сопряжения может звучать так:

Нравственная политика – это политика, максимально минимизирующая насилие. Нравственная политика – та, что в каждом своём действии ставит и решает вопрос о цене прогресса. Нравственная политика – это политика, ставящая во главу угла интересы не «государства» (как у Макиавелли: «сильное, стабильное государство»), а интересы, благо людей, живущих в этом государстве. Для нравственного политика «государство» - не Цель, а Средство, средство достижения достойного материального и духовного бытия каждого человека.

Вот заслуга – и великая заслуга! – Мартова и состоит в том, что всесторонне развивая нравственную сторону человеческой деятельности, он (объективно) готовил почву для её сопряжения с деятельностью политической. Самому Мартову этот синтез политики и нравственности осуществить не удалось – ни в теории, ни в практике, ибо у него был слишком большой крен в сторону нравственных начал. Но все идейные предпосылки для такого синтеза были им созданы. Реализация же этого – за политиками будущего.

Урок 2-й. Мартов очень почитал схемы общественного развития, начертанные классиками марксизма: феодализм, исчерпав свои исторические возможности, сменяется капитализмом; капитализм, развив производительные силы, но запутавшись в противоречиях, должен уступить место социализму (но только тогда, когда в лоне капитализма созреют материальные и духовные предпосылки нового строя).

Эта схема накладывалась им на российское социальное бытие. И вырисовывалась следующая картина. Февральская революция – буржуазная революция. И, стало быть, согласно классическим схемам, Россия должна пройти этап капиталистического развития.

Всякая мысль о чём-то ином (и о социализме, в особенности) должна быть отброшена. Не надо авантюристических мечтаний, призывает Мартов, надо быть реалистом и исходить из того, что «исторические условия не созрели для перехода власти в наши руки»; «лишь тогда, когда вся буржуазия и её подголоски исчерпают себя, дадут всё, что могут», а затем встанут «поперёк дороги пролетариату, перед ним встанет задача или взять власть в свои руки, если есть шансы её завоевать в открытой битве, или признать, что эта революция закончена, что созданная ею буржуазная республика окончательно сложилась, и занять место оппозиции - партии меньшинства населения, - которая своей борьбой и агитацией в рамках нового строя готовит силы пролетариата к новой революции, имеющей одну задачу – отвоевание власти у буржуазии»²⁹.

Вообще схемы – вещь нужная и полезная, тем более, если в них содержится точное обобщение опыта мирового социального развития. Но абсолютизация этих схем – вещь крайне опасная.

В политике (тем более в революционной политике) эти общие схемы способны сыграть свою роль лишь в качестве общего подхода к конкретному анализу социальной ситуации. Но для политического деятеля важно уметь переводить язык большой теории и предельно общих формул на язык конкретной практики, конкретных действий. Не реальность надо подтаскивать к теоретическим формулам, а теоретические формулы растворять в реальности. Философы называли такой метод «Восхождением от абстрактного к конкретному». И в этом восхождении будут рождаться формулы, выражающие данную реальность, и они будут гораздо сложнее, чем исходные теоретические установки, а в чём-то даже будут противоречить им – в соответствии со знаменитым гётевским афоризмом: «Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо». Зеленеющее «жизни древо» - это и есть точный образ конкретного мышления.

²⁹ См. Урилов И.Х. Мартов. С. 237-238.

Ответы на конкретные вопросы невозможно получить в простом логическом развитии общей истины; всякая общая истина — только плацдарм, с которого начинается теоретический штурм конкретных проблем, и решение задач и проблем, с которыми сталкивается исследователь во время этого штурма, - дело не механическое, не прикладное, не predetermined «общей истиной», а дело, по сложности не уступающее открытию самих исходных «общих истин», дело, требующее самостоятельного, специфического исследования, при котором «общие истины» служат лишь ариадниной нитью движения, дело достижения новой, более конкретной истины, которая, в свою очередь, будет служить новым плацдармом для дальнейшего восхождения.

Для Мартова, абсолютизовавшего классические схемы, общее содержание исторического процесса в 1917 году сводилось к альтернативе: капитализм или социализм? Третьего не дано! А поскольку социализм пока невозможен (не «созрели» для него условия!), то остаётся один-единственный путь — капитализм, со всеми вытекающими из этого задачами для деятельности социалистов в условиях буржуазного развития.

По Мартову, «третьего не дано»!

А вот его оппоненты из большевистской партии считали, что — «дано». «Дано» - и «третье», и «четвёртое», и «десятое»... Ленин и его единомышленники исходили из того, что важно реализовывать не требование «схем», а требования конкретного социального бытия России в данное время, в данных условиях, с данным состоянием социальных и классовых противостояний.

Ленин видит задачу (и в данном случае я целиком на его стороне) не в том, чтобы реализовать одну из моделей социального устройства («капитализм», «социализм»), затверждённых в марксистском учебнике Каутского (в соответствии с идеями Маркса и Энгельса), а в том, чтобы найти путь к такому социальному устройству, в котором бы наиболее полным образом, в соответствии с возможностями данной исторической эпохи, удовлетворялись интересы широких слоёв трудящихся, интересы

эксплуатируемых и угнетаемых классов. И из **этого**, из требований живой жизни, из конкретики социально-классовой борьбы своего времени, а не из общих схем Маркса-Энгельса-Каутского следует формулировать революционные задачи и лозунги социально-преобразовательной деятельности. Так для России важно было решить три главных задачи: добиться мира, дать землю крестьянам, обеспечить достойные условия труда и жизни рабочему классу. И совершенно неважно, как можно будет классифицировать ту социально-политическую систему, которая обеспечит решение этих задач. По-видимому, это будет не «капитализм» и не «социализм». Это будет переплетение политических методов и социальных схем ещё невиданных в истории. Это будет «конкретный анализ конкретной ситуации», к которому так и не смог пробиться Мартов через барьеры своих «схем».

Урок 3-й. Важно не только уметь переводить язык общей теории (всеобщих схем и формул) на язык конкретного анализа конкретной ситуации. Но ещё и уметь воплощать результаты этого конкретного анализа в практически-политические *действия*.

Да, Мартову нередко удавалось схватывать особенности социально-политического момента и формулировать вытекающие из него политические задачи. Ему только, как правило, не удавалось переводить всё это в сферу массового политического действия. И в этом главная слабость Мартова как политика.

Вы можете быть тонким, проницательным политическим аналитиком (и таким часто был Мартов), вы можете разработать и предложить толковый план политических действий (и Мартов неоднократно это делал). Но если вы не способны воплощать ваши политические концепции в массовые политические *действия*, если вы не способны убедить, организовать и повести за собой единомышленников, - вам не следует идти в политику. Идите на университетскую кафедру, в научный кабинет, в публицистику, в церковь, наконец. Идите просвещать и проповедовать. Куда хотите – только не в политику!

Мартов же (не обладая качествами партийного организатора и политического вождя) шёл в политику, в самую её гущу. И потерпел сокрушительное фиаско. Попробуем же извлечь уроки из его неудач. На чём всё время спотыкался политик Мартов?

Его анализ, его критика позиций руководства его (меньшевистской) партии поражают остротой, глубиной, пронизательностью. В стремлении свернуть партию с губельного, катастрофического для неё пути Мартов прибегает к самым жёстким, к самым резким оценкам: ему надо достучаться до своих заблуждающихся (по его мнению) товарищей.

Вот он, с самого первого дня своего возвращения в Россию, из заседания в заседание, из выступления в выступление, просто криком кричит против захватившей его партию идеи участия в правительственной коалиции с буржуазной партией кадетов.

На одном совещании он заявляет: «Образование правительства на основе «гражданского мира» между классами... является по существу контрреволюционным». На другом: участие меньшевиков в работе коалиционного (с буржуазией) правительства – «непоправимая», «окончательная глупость». На третьем: практика коалиции – это «хуже преступления».³⁰

Это же он не о каких-то частностях говорит, а о *главном вопросе* в данный исторический момент, от решения которого зависит не только судьба его партии, но, если угодно, весь ход революции. И *как* говорит! Он просто припечатывает руководство своей партии к позорному столбу: «контрреволюция», «хуже преступления», «окончательная глупость»! Куда же больше, куда же резче, куда же определённой!

Но большинство пренебрежительно отвергает критику Мартова. И что же Юлий Осипович? Он «проглатывает» это отвержение и ... остаётся в этой партии – освящая тем самым все её «контрреволюционности» и «глупости». Он, по сути, вступает в «коалицию» с ненавистными ему коалиционерами.

³⁰ См. Урилов И.Х. Мартов. С. 258, 240.

Или вот он на заседании бюро ВЦИК (4 августа 1917 г.) выступает – тоже предельно резко – против участия в созываемом Керенским московском государственном совещании. Там, пытается он убедить своих соратников, затевается контрреволюционное дело, там будет «сплошная стена контрреволюции военной и буржуазной». Соратники в очередной раз игнорируют его призывы. И что же Мартов? Он – в своём репертуаре. Подчиняется большинству, идёт на государственное совещание и, молча, сидит там перед «стеной контрреволюции». А потом, как обычно, жалуется в письме Кристи (25 августа), что на совещании этом «сидел с закрытым ртом, ибо наше большинство (Совета) заранее постановило, что «оппозиция» (то есть Мартов – Г.В.) не имеет права выступать самостоятельно (чтобы не испортить торжественности)».³¹ И Мартов, как видим, «контрреволюционной» «торжественности» не испортил...

А послушайте, что он говорил на объединительном съезде РСДРП(о) в августе 1917 года: «та политика, которую вело большинство меньшевистской партии до сих пор... представлялась от начала до конца политикой полного забвения и отрицания пролетарского марксизма, революционной стратегии марксизма»³². Такой вот сокрушительный приговор!

Ну, и как же, дорогой Юлий Осипович, можно оставаться в *такой* партии? Вот здесь, вот в этом Ваша непоправимая, Ваша колоссальная ошибка.

В одном из своих традиционных писем Кристи Вы сетуете: «Массы не склонны нас поддерживать и предпочитают от оборонцев переходить прямо у антиподу – большевикам»³³. Ну, а куда же им ещё переходить? У них ведь выбор: или оборонцы или большевики, третьего не дано. А вот Вы-то, Юлий Осипович, как раз и могли бы предложить им это «третье» - вышли бы со своими единомышленниками из меньшевистской партии, создали бы свою – не «оборонческую», не партию коалиции с буржуазией, а

³¹ Там же. С. 265.

³² Там же. С. 274.

³³ Там же. С. 278-279.

интернационалистскую, демократически-социалистическую партию. И тем создали бы возможность значительной части масс переходить не только к большевикам, но и к вам, демократическим социалистам. Вы бы спасли революционно-демократическую часть меньшевизма. А так, уступив оборонческому, карьеристскому, нереволуционному большинству, вы, по сути, способствовали краху меньшевизма в целом, стремительно терявшему поддержку масс. И свою, многообещающую, позицию Вы загубили, растворив её в позиции меньшевистского большинства. Ваша позиция не получила громкого общественного звучания, она не стала известной широким массам, она упокоилась в узком кругу заседаний органов вашей партии, ваши отвергнутые большинством предложения и резолюции пылились на мало кому доступных полках партийных документов.

А возможность занять свободную в те времена нишу нравственно-демократического социализма у Вас была. И пояись такая партия – глядишь, и изменилась бы расстановка партийно-политических сил в стране, да и ход революционного процесса получил бы новые, весьма симпатичные оттенки. Да вот и большевики (и Ленин, и Троцкий), зная все эти Ваши критические речи, неоднократно протягивали Вам руку, приглашая к союзу с ними. Почему бы Вам не откликнуться на эти призывы? И совсем не обязательно было бы при этом смешиваться, объединяться с большевиками (подобно «межрайонцам» Троцкого и Луначарского). Можно было бы оставаться на достаточно критическом расстоянии от них, но следовать старой революционной парадигме: «Врозь идти, но вместе бить!». Это была бы совсем другая «коалиция» - коалиция *революционных* масс.

Пишу это, пытаюсь вместе с Вами переиграть процесс столетней давности – и с сожалением понимаю невозможность иного Вашего политического поведения в то время. Тогда бы Мартов не был Мартовым, - говорю я себе. Я думаю, совершенно прав был историк И. Гетцлер, видевший основную ошибку Мартова в его отказе от создания собственной левой социалистической партии,

которая помогла бы ему оказать большее влияние на ход революции в стране³⁴. Такая партия была бы важна не только как место притяжения революционно-демократических масс, но и как форма сплочения мартовских единомышленников, левых революционных социалистов - им было бы куда идти из меньшевистско-соглашательской партии. Но Мартов не был способен на такой шаг. «Лидер меньшевиков Мартов, - отмечал Троцкий, - является одной из самых трагических фигур революционного движения. Даровитый писатель, изобретательный политик, проницательный ум, Мартов был гораздо выше того идейного течения, которое он возглавил. Но его мысли не хватало мужества, его проницательности недоставало воли. Цепкость не заменяла их. Первый отклик Мартова всегда обнаруживал революционное устремление. Но немедленно же его мысль, не поддерживаемая пружиной воли, оседала вниз»³⁵. Верно и точно, с одним уточнением: *мысль* Мартова не оседала (она сохраняла свою высоту), а оставалась в теоретической сфере, не переходя в практическое действие. И вот ещё – Троцкий о мартовской группе: «... расходясь с официальным меньшевизмом во всех основных вопросах, эта группа остаётся в рамках меньшевистской организации. Но этим самым она лишает себя притягательной силы. Политика, которая не мешает оставаться в одной партии с Даном, Церетели и пр., не может быть политикой революции»³⁶. Именно так! И в этом для нас суть третьего урока Мартова.

Мартов и Октябрь

Принято считать, что Мартов – враг Октября. Что в «Октябрьском перевороте» он видел авантюру большевиков, их насилие над историей и над российском обществом. И что история отомстит. Что добром это не кончится, а кончится контрреволюционным Термидором. Раньше, когда в моде был сталинский «Краткий курс», его за это клеймили. Сегодня, когда прежние знаки меняются на противоположные, Мартова хвалят:

³⁴ См. там же. С. 264.

³⁵ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Т. 1 С. 190.

³⁶ См. Урилов И.Х. Мартов. С 302-303

он-де провидел, что дело Октября завершится термидорианской сталинской диктатурой, а насилие Октября получит продолжение в жесточайших репрессиях эпохи сталинизма. Но и те, и другие утверждали, что Мартов – враг Октября.

Всё это так и не так. Всё гораздо сложнее, гораздо интереснее и гораздо – для нашего времени – поучительнее.

Прежде всего: «врагом Октября» Мартов не был. А был он, скорее, – «сочувствующим».

Давайте дадим ему слово.

«Поймите, - пишет он Аксельроду 19 ноября 1917 года, - что всё-таки перед нами победившее восстание пролетариата (заметьте: «восстание пролетариата», а не какая-то «авантюра большевиков» - Г.В.), то есть почти весь пролетариат стоит за Лениным (то есть Ленин и его соратники – не какая-то кучка политических честолюбцев, кучка рвущихся к власти заговорщиков; пролетариат – за ними! – Г.В.) и ждёт (пролетариат) от переворота социального освобождения («социальное освобождение» - вот цель Октября! – Г.В.) и при том (пролетариат) помнит, что он вызвал на бой все антипролетарские силы (вот она главная опасность для рабочего класса России - не большевики, а «антипролетарские силы»! – Г.В.)». Занимая такую позицию, Мартов и не желает «специально порочить перед Европой большевистскую диктатуру», поскольку это «может объективно помочь врагам революции и социализма вообще» (видит, стало быть, в «Октябре» не просто «переворот», но «революцию», а в ней – стремление к новому общественному устройству – «социализму» - Г.В.).

Мартов видит серьёзные, глубинные социальные причины, вызвавшие Октябрьскую революцию, видит в ней восстание народных масс, и потому не склонен думать, что она потерпит быстрое фиаско (как утверждали многие из «антипролетарского» лагеря, и Аксельрод – в их числе). Прав И.Х. Урилов, заметивший, что, в отличие от многих своих современников, Мартов не верил в скорое падение ленинской диктатуры и что даже был согласен

поддержать большевиков на условиях создания коалиционного демократического правительства³⁷.

Мартов не устаёт подчёркивать, что Октябрьский переворот - значительный шаг по пути социального прогресса. «Мы, как партия политического реализма, - заявляет он на Чрезвычайном съезде РСДРП (30 ноября 1917 года), - должны отдать отчёт в том, что независимо от наших симпатий и антипатий, пролетариат и те, кто идёт за ним путём этого переворота, пытается осуществлять агрессивно-прогрессивные задачи, перед которыми запнулась буржуазная демократия». Поэтому «не верно, - убеждает он своих однопартийцев, - что этот переворот контрреволюционен»; и вообще он не был случайностью, он был предопределён «всеми ходом русской революции». «В существе своём он вызван неудовлетворёнными потребностями рабочего класса» - тем, что Временное правительство не решило и не пыталось решить три основные задачи, стоявшие перед страной: прекращение войны, создание условий для нормальной экономической жизни, радикального решения аграрного вопроса³⁸.

Мартовская позиция была чётко зафиксирована в тезисах, принятых на заседании ЦК РСДРП (17-21 октября 1918 года): «Совершённый в октябре 1917 года большевистский переворот являлся исторически необходимым»³⁹. А в письме Мартова Аксельроду (23 января 1920 года) появится самая, пожалуй, важная констатация: Октябрьский переворот был «шагом вперёд в общественном развитии»⁴⁰.

«Шаг вперёд в общественном развитии!» Только, приняв во внимание подобную оценку, можно приступить к анализу критики Мартовым Октябрьских событий. Только в этом контексте она и может быть понята по-настоящему.

Да, Мартов был «сочувствующим» Октябрю. Но не его апологетом. Он развёртывал довольно широкую картину

³⁷ См. Урилов И.Х. Мартов. С. 319.

³⁸ См. Урилов И.Х. Мартов. С. 322, 323.

³⁹ Там же. С. 344.

⁴⁰ Там же. С. 348.

опасностей, которые стоят и встанут на его пути. Пытался определить причины этих опасностей и способы их избежания.

О чём идёт речь?

Два основных упрека формулировал Мартов в адрес возглавившей Октябрьский переворот большевистской партии.

Первый. Он упрекал большевиков за их стремление «перескочить» через исторически необходимые этапы исторического развития: за их попытки строить социализм, для которого не сложились необходимые предпосылки ни в сфере экономики, ни в сфере культуры, ни в сфере общественного сознания. А стремление к социалистической цели при отсутствии предпосылок рождает желание подстёгивать процесс, что ведёт к росту насилия, которое приобретает гипертрофированные формы и грозит выродиться в деспотическое политическое правление с произволом карательных органов, подавлением народной самодеятельности и прав личности. И это – второй упрек Мартова.

Вот эти два, взаимосвязанные, фактора – стремление «перескочить» через необходимые этапы и разрастание насилия могут, по мнению Мартова, погубить то позитивное, революционное, прогрессивное, что лежит в основе Октябрьского переворота. Как оценить эти констатации, эти предупреждения Мартова?

Но прежде давайте и здесь дадим слово самому Мартову и внимательно вчитаемся, вдумаемся в сказанное и написанное им.

Из письма Аксельроду (1 декабря 1917 года):

Попытка коммунистического эксперимента («перескакивание»), предложенная Лениным, «ни к чему, кроме краха, привести не может».

«Хотя массы за Ленина, его режим всё более становится режимом террора».

«Режим террора, попрание гражданских свобод готовит почву для бонапартизма».

«Наш лозунг» - объединение социалистического большинства Учредительного собрания «путём согласования между ленинцами и всеми остальными на почве разрешения задач мира, регулирования промышленности и аграрной реформы с отказом от террора и социально-утопических экспериментов»⁴¹.

Давайте разбираться.

Вначале – о «социально-утопическом эксперименте», связанном со стремлением «введения социализма» в условиях незрелости социальных отношений. Слишком упростил Мартов ленинскую позицию.

Ленин, ведь, и в ходе революционного процесса 1917 года, да и позднее, никогда не выдвигал задачу «введения социализма». В тех же Апрельских тезисах он, что называется «чёрным по белому», с не допускающей никакой двусмысленности, пишет: «Не «введение» социализма» - «наша непосредственная задача». А что же? Всего лишь – «переход... к контролю со стороны С.Р.Д. (Совета рабочих депутатов – Г.В.) за общественным производством и распределением продуктов»⁴². Что вовсе не является синонимом «социализма». И позднее, через несколько месяцев после победы Октября, в феврале 1918 года, когда многое стало яснее, Ленин, тем не менее, говорил: «Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, - мы этого не знаем, мы этого сказать не можем», «потому что нет еще для характеристики социализма материалов. Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится»⁴³.

И в главных лозунгах Октябрьской революции («Мир!», «Земля - крестьянам!», «Фабрики – под контроль рабочих!») ничего специфически социалистического нет. Ленин был в поиске, прекрасно понимая: капитализм в России – реакционен, социализм – пока невозможен. Он *искал новые* формы социального бытия: не капитализм и не социализм, а тогда – что? Вот тут бы Мартову, тонкому аналитику и творческому теоретику, и придти бы на

⁴¹ Мартов Ю.О. Письма 1916-1922. С. 23-24. См. также Урилов. И.Х. Мартов. С. 318.

⁴² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.31. С. 116.

⁴³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, стр., 65 – 66.

помощь, и предложить бы свою модель социального развития, учитывающую специфику России и мирового развития XX века. Но он не смог уловить всю новизну ситуации и прошёл мимо этой проблематики. Ленин был им не понят.

Некоторым оправданием Мартову было то, что ряд соратников Ленина (радикально-левого толка) тоже не понимали всей необычности, всей сложности ситуации, в которой оказалась Россия к исходу 1917 года. И они, действительно видели задачу в немедленном строительстве социализма. Мартов же в своей критике отождествил их с Лениным и, упростив тем самым задачу, упустил возможность включиться в разработку нового уровня теоретических построений. А Ленин, повторяю, был в поиске, который завершился к 1921 году разработкой концепции, которую мы бы назвали концепцией «нового (конвергентного) социализма». Но об этом – чуть позже.

И – о терроре, избыточном насилии и возможном в перспективе термидоре.

Ну, конечно, насилия и избыточного насилия в те времена было предостаточно. И, естественно, человека родом из «Приличинска», как и всякого другого высоконравственного человека, это не могло не огорчать. Но Мартов слишком упрощает проблему, как-то очень поверхностно судит о ней. Он полагает, что главные импульсы насильственных действий идут от *лидеров* большевистской партии. Ему кажется: убедил он Ленина, Троцкого, Луначарского в необходимости снизить уровень насилия, те пошлют соответствующие указания в идущие за ними массы – и насилие войдёт в допустимые рамки.

А дело в том, что главные истоки насилия – в этих самых массах, в их социальном бытии, в их политической культуре.

Октябрь - сложное, неоднозначное и внутренне противоречивое явление, содержащее в себе разные альтернативы и интенции. Две основные: одна – народно-демократическая, ставящая задачу удовлетворения материальных и духовных потребностей народа. Создания системы народоправства, демократической власти

трудящихся; другая – делающая акцент на насилии как способе решения всех проблем и толкающая общество к антидемократическому, тоталитарному режиму, государственно-бюрократическому строю.

И – две основные социальные силы, питавшие эти тенденции. Одна - политически и культурно развитые рабочие, типа, условно говоря, Ивана Бабушкина, Якова Дубровинского, Александра Шляпникова. И другая – Шариковы, Швондеры, герои платоновских повестей, ограниченные, малокультурные, примитивно мыслящие люди, понимающие «социализм, как казарму военно-коммунистического типа («казарменным коммунизмом» называл Маркс подобную систему взглядов).

В революционных событиях 17 года они шли вместе, плечом к плечу. Они вместе боролись за изменение ситуации в стране, за улучшение жизни простых людей, угнетённых и униженных в романовской России. Но по-разному видели будущее и способы борьбы за него.

Это противоречие культурно-развитых сил революции и революционной (но тёмной, но культурно не развитой) массы зримо проявилось уже в первые Октябрьские дни. «Ужас! - восклицал один из большевистских лидеров в дни переворота. - Наши революционные рабочие в Зимнем на «Рафаэле» колбасу режут...». И этот знаменитый эпизод с Луначарским, одним из лидеров просвещённых революционных сил, описанный Джоном Ридом:

«15 (2) ноября комиссар народного просвещения Луначарский разрыдался на заседании Совета Народных Комиссаров и выбежал из комнаты с криком:

«Не могу я выдержать этого! Не могу я вынести этого разрушения всей красоты и традиции...»

Вечером в газетах появилось его заявление об отставке:

«Я только что услышал от очевидцев то, что произошло в Москве.

Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие художественные сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется. Жертв тысячи. Борьба ожесточается до звериной злобы. Что ещё будет? Куда идти дальше? Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить этот ужас я бессилён. Работать под гнётом этих мыслей, сводящих с ума, нельзя. Вот почему я выхожу в отставку из Совета Народных Комиссаров. Я сознаю всю тяжесть этого решения, но я не могу больше...».

Не мелочи, не пустяки, не какие-то второстепенные мировоззренческие частности разделяли эти две революционные силы. «Звериная злоба», выливающаяся в «тысячи жертв» - на одной стороне. И абсолютное неприятие этого – на другой.

Конечно, у интеллигентнейшего Анатолия Васильевича немного сдали нервы. И более стойкие его соратники упростили Луначарского остаться: предстоит борьба не только с силами монархии и капитала, но и внутри революционной массы – с темнотой, невежеством и жестокостью ее участников. И дезертировать с этого, становившегося всё более главным, участка борьбы культурным деятелям революции не позволительно.

Собственно, после окончания гражданской войны, после победы над силами контрреволюции решался кардинальный вопрос дальнейшего социального развития страны: кто будет определять маршрут движения России – «Бабушкины» и «Шляпниковы» (поддерживаемые «Луначарскими») или невежественная и «злая» масса Швондеров и Шариковых (науськиваемая и поощряемая политиками, которые впоследствии составят сталинскую команду). Количественный перевес был, увы, на стороне последних. Но была одна политическая фигура, которая в программных установках и реальной деятельности обеспечивала доминирование культурных революционных сил. Этой фигурой, в начале 20-х годов, был В.И. Ульянов (Ленин). Его, как он однажды выразился, «коренной» пересмотр взглядов на социализм, связанный с разработанной им Новой экономической политикой,

его критика «леваков» (работа «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»), его последние статьи (называемые «политическим завещанием»), в центре которых НЭП, кооперация, культурная революция, наметили основные контуры будущего Культурного Социализма. «Культура» - стала всеопределяющим словом-паролем Нового Социализма. И постепенно к этим позициям «просвещённого социализма» подтягивались Николай Бухарин (пересмотревший свои позиции начала 20-х годов, периода написанной им с Преображенским «Азбуки коммунизма»), и в 1925 году вступивший в острую полемику со своим соавтором, задержавшимся на позициях «казарменного коммунизма»), Леонид Красин, Алексей Рыков, Михаил Томский, Анатолий Луначарский...

Но в 1924 году умер Ленин. И силы, влияние Культурного Социализма были катастрофически ослаблены. Сталинская команда Швондеров (все эти Молотовы, Ворошиловы, Кагановичи, Ежовы, Берии, Маленковы) брала постепенно всю полноту власти. Члены так называемой «ленинской гвардии» расстреливались в подвалах Лубянки или гибли за колючей проволокой Гулага. Ленинское политическое завещание было затоптано сворой получивших безраздельную власть казарменных псевдокоммунистических бюрократов. Надежды на Культурный Социализм угасали.

Сталинский «социализм» не был действительным социализмом, формацией, основанной на общественной собственности, социальном равенстве и народоправстве. Он был формацией, где собственностью реально владело и распоряжалось бюрократическое сословие. То была не общественная, а корпоративно-бюрократическая собственность. Там не было «свободного труда» (там был труд рабов в Гулаге, полуфеодалного, бесправного, беспаспортного крестьянства в колхозах и наемных рабочих в промышленности). Там не было народоправства, вся власть – и экономическая, и политическая – сосредотачивалась в руках бюрократического сословия; это была политическая диктатура бюрократии.

Это, повторяю, было особое, невиданное еще в истории, непредвиденное в теории, социальное образование, которое можно было бы назвать **государственно-бюрократической формацией**.

Полностью оформившаяся к середине 30-х годов (что официальной пропагандой той поры было представлено как завершенное «социалистическое» строительство), она прошла несколько этапов – от ранних стадий сталинского и хрущевского окраса (в которых, при всей антинародности и реакционности политической формы, присутствовали элементы исторически прогрессивного содержания – модернизация, например, хотя и очень деформированная реакционной политической формой) до поздней стадии - «брежневизма», когда под реакционной формой не осталось уже и следа исторически прогрессивного содержания.

Вообще формация эта была сложным образованием, со сложнейшим переплетением мотивов деятельности различных социальных сил, с многовекторным историческим движением. Были там – особенно в сфере культуры и в сфере массового, «низового» политического сознания – и черты подлинно социалистической деятельности, питавшиеся импульсами, порожденными стихией массового освободительного движения в Октябре 17 года. Но дирижерская палочка, направлявшая и определявшая всю деятельность социального «оркестра» была в руках класса бюрократии. Она, эта бюрократия (по-другому – «номенклатура») определяла общее лицо системы и логику ее движения.

Такая вот история с приходом «бонапартизма» и «термидора».

И они были совсем не predeterminedены ситуацией и политикой руководимой Лениным большевистской партией в конце 1917 года. История могла пойти и иначе, если бы культурные революционно-социалистические силы самых разных направлений нашли бы способ соединить свои усилия по «окультуриванию» и «гуманизации» низового революционного процесса.

Если бы доминировавшие в Совете и входившие в правительство социалистические партии (меньшевики и эсеры) смогли

осуществить хотя бы некоторые из реформ, отвечающих интересам и чаяниям низов. И, возможно, тогда отпала бы и необходимость в Октябрьском восстании. Об этом, между прочим, говорил и Ленин – и в разгар революционных событий (сентябрь 1917 года), и позже – в 1920 году, итожа опыт февральско-октябрьского революционного процесса.

Сентябрь 17 года: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной. Ибо против такого союза, против Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов никакая буржуазией начатая гражданская война немыслима, этакая «война» не дошла бы даже ни до одного сражения, буржуазия *во второй раз*, после корниловщины, не найдет даже и «дикой дивизии», даже прежнего числа эшелонов казачества для движения против Советского правительства!»⁴⁴.

Март 1920 года: «Эсеры и меньшевики проделали опыт, нельзя ли обойтись с капиталистами по-мирному и перейти от них к социальной реформе. Они по-добру хотели перейти в России к социальной реформе, только чтобы не обижать капиталистов. Они забыли, что господа капиталисты есть капиталисты и что их можно только победить. Они говорят, что большевики залили страну кровью в гражданской войне. Но разве вы, господа эсеры и меньшевики, не имели 8 месяцев для вашего опыта? Разве с февраля до октября 1917 года вы не были у власти вместе с Керенским, когда вам помогали все кадеты, вся Антанта, все самые богатые страны мира? Тогда вашей программой было социальное преобразование без гражданской войны. Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему же вы этого не сделали?»⁴⁵.

⁴⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 34. С. 222.

⁴⁵ Там же. Т. 40. С. 178-179.

И ещё несколько «почему?», обращённые уже прямо Юлию Осиповичу.

Почему 25 октября 1917 года Вы ушли со II Всероссийского съезда Советов?

Это было знаковое событие. Взяв одним из первых слово, Вы предложили в целях «мирного разрешения кризиса» создать «власть, которая была бы признана всей демократией» (власть, в которую вместе с большевиками входили бы меньшевики и эсеры). Голосование: все (включая большевиков) – «за». Исторический (могущий стать переломным) момент: возможность создания многопартийного правительства – условие развития политической демократии и идеологического плюрализма!

И тут Ваши друзья, Юлий Осипович, из меньшевистской и эсеровской партий напрочь перечеркивают эту симпатичную возможность. Выступают с резкими обвинениями большевиков и: «Мы снимаем с себя всякую ответственность за происходящее и покидаем съезд». Так кто же срывает наметившуюся возможность многопартийности и демократии? Может, не большевиков, Юлий Осипович, а Ваших политических друзей следовало бы как следует пропесочить?

Ну, хорошо, они ушли. Но Ваша-то группа меньшевиков-интернационалистов осталась. Может, вам вместе с тоже оставшимися левыми эсерами войти в правительство? Всё-таки будет трёх партийное правительство. Нет, Вы не можете разорвать ниточку, связывающую Вас с ушедшими. Берёте вновь слово и предлагаете «избрать комиссию для переговоров со всеми социалистическими партиями». Но ведь они, наговорив всякой всячины в адрес большевиков, ушли – тем, ясно обозначив свою позицию относительно Вашей симпатичной идеи. С кем же будет вести переговоры ваша комиссия? И вполне поэтому логично отреагировал на Ваше предложение о «комиссии» большевик Лев Троцкий: «С кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда или которые делают это предложение... Нет, тут соглашение не годится. Тем, кто отсюда

ушёл и кто выступает с предложениями, мы должны сказать: вы – жалкие единицы, вы банкроты, ваша роль сыграна и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории»⁴⁶.

И Вы, Юлий Осипович,... обиделись: «Тогда мы уходим!». В политике «обижаться» - последнее дело. И более чем справедливой была реакция на это Вашего ближайшего соратника по группе меньшевиков-интернационалистов Николая Николаевича Суханова: «Мы ушли, неизвестно куда и зачем, разорвав с Советом, смешав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и унизив себя в глазах масс, подорвав всё будущее своей организации и своих принципов. Этого мало: мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им всю арену революции. Борьба на съезде за единый демократический фронт могла иметь успех... Уходя со съезда,...мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей линии Ленина...»⁴⁷.

Прав Суханов. Вошли бы в союз с левыми эсерами, создав некоторый противовес большевикам, вступили бы в правительство (трёхпартийное!), получили бы возможность влиять на события в демократическом, гуманистическом духе. И возможно по-иному пошли бы события – в более приемлемом для Вас ключе. Конечно, гарантии, что всё на этом пути будет гладко, никто дать не мог, всякое могло случиться. Но шанс был! И его следовало бы использовать.

Пожалуй, соглашусь с Сухановым, написавшим: «В Мартове явно побеждала меньшевистская нерешительность. Ещё бы! Ведь разрыв с буржуазно-соглашательскими элементами и прикрепление к Смольному (то есть – к большевикам – Г.В.) обязывали к самой решительной борьбе в определённом лагере. Ни для какой

⁴⁶ См. Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 3. С. 335-337.

⁴⁷ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 3. С. 343.

нейтральности, ни для какой пассивности тут не оставалось места. Это пугало»⁴⁸.

Я скажу так: личное мужество и политическое мужество – это существенно разные вещи. В высшей степени мужественный, смелый, в личном плане, человек, Мартов был очень не смел в плане политическом.

В общем, дорогой Юлий Осипович, свою долю ответственности за то, что не сложилась у нас многопартийная система, за то, что не развивалась демократическая культура, несёте, простите, и Вы. То, что со съезда ушли Ваши друзья – это понятно и логично: они враги Октября, и ушли, чтобы бороться (не на жизнь, а на смерть) с большевиками и последствиями Октябрьской революции. Но ведь вы-то считали, что «совершённый в октябре 1917 года большевистский переворот являлся исторически необходимым», что он был «шагом вперёд в общественном развитии». Да, Вы видели ряд существенных опасностей, порождённых этим «шагом». И считали необходимым избавиться от них. Это же совсем другая позиция, существенно отличающаяся от позиции основной массы меньшевиков и эсеров. И потому я не вижу логики в Вашем уходе. Ведь Вы не просто «ушли» со съезда, Вы (извините меня за эту лексику, но тут не могу без неё обойтись) *дезертировали* с политического фронта – в самый трудный, в самый ответственный момент русской революции, оставив большевиков (и друга Вашей молодости Ленина) в одиночку сражаться с теми невероятными трудностями становления нового общества, с которыми столкнулась Россия и о которых Вы так убедительно сигнализировали.

И ещё одно, тоже очень важное, «Почему?», связанное с переговорами меньшевиков и эсеров с большевиками по поводу возможности формирования многопартийного правительства (вторая, после II съезда попытка!).

Так вот, **почему** Вы решили, главная вина за срыв переговоров – на большевиках? Давайте внимательно посмотрим, что предлагали

⁴⁸ Там же. С. 342.

на этих переговорах Ваши политические друзья, меньшевики и эсеры. «В предварительных переговорах, - информируете Вы Аксельрода в письме 19 ноября 1917 года, - была уже нащупана почва для соглашения: «деловое» министерство, куда из большевиков войдут наименее одиозные для правого крыла демократии (называли Луначарского, Покровского, Алексея Рыкова), из меньшевиков и социалистов-революционеров войдут деловые работники, а во главе станет Чернов»⁴⁹.

И это серьёзное предложение? Правительство, в котором не будет ни Ленина, ни Троцкого, а несколько второстепенных деятелей большевистской партии, да ещё во главе с Черновым (!) и при доминировании эсеровско-меньшевистских представителей? Да ведь они же, Черновы эти, уже были в правительстве и за несколько месяцев довели страну до развала и до корниловщины. И им опять дать «поручить»? И Вы это поддерживаете? И Вы обвиняете за срыв переговоров большевиков? Постыдились бы Ваши друзья после корниловщины, после Октябрьского восстания против правления Керенского (в коалиции с меньшевиками и эсерами) предлагать это такое...

Оптимистический финал: уроки на будущее

А теперь, в заключение, может быть, о самом главном.

Мы, люди XXI столетия, стремимся, извлекая уроки из опыта Прошлого и опираясь на эти уроки, выстраивать стратегию движения в Будущее. Для современного российского общества – это актуальнейшая задача. Нельзя пробавляться (как это принято сегодня) решением частных, ближайших, прагматических задач. Нужно видение исторических перспектив и стратегических целей. Важно понять: кто мы, на каком витке исторического процесса находимся и «куда нам плыть». Отправными точками для разработки основ такой стратегии как раз и могут послужить уроки прошлого - теоретическое наследие и практический опыт коренных, революционных преобразований.

⁴⁹ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. С. 342.

И среди этих уроков особо важное место могут и должны занять уроки, преподанные деятельностью Мартова вкупе с уроками... Ленина. В синтезе теоретических идей этих двух знаменитых деятелей революционной эпохи и заложен, на мой взгляд, ключ к выработке Стратегии развития современного российского общества. Убеждён, что идеология, в которой нуждается современная Россия, желающая найти выверенную дорогу в Будущее, должна совместить в себе Мартова и Ленина. Следует только иметь в виду, что это будет не просто сложение, не просто некая механическая сумма взглядов того и другого. В искомом синтезе Ленин и Мартов обретут новые качественные характеристики. Ленин будет немного Мартовым, Мартов – немного Лениным.

Поясним, какой «синтез» имеем мы в виду. Это будет синтез концепции «Нового («конвергентного») социализма» Ленина и «Нравственно-демократической» парадигмы Мартова.

В основе концепции, которую мы называем «Концепцией нового социализма» тезис Ленина: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения на социализм»⁵⁰. Этот тезис был ошарашивающим и парадоксальным для ленинских соратников. Как это «переменить»? И причем не какое-то отдельное положение, а «всю» (!) точку зрения на социализм, да ещё «коренным» образом. Мало кто тогда (в эпоху НЭПа) понял, мало кто воспринял эту ленинскую мысль. Что же означал этот впечатляющий ленинский тезис?

Он был вступлением к разрабатываемой Лениным новой модели социализма.

Ведь с чем были связаны прежние представления о социализме? Что социализм – есть «уничтожение частной собственности»⁵¹. Что социализм – есть единая в масштабе страны «фабрика», работающая строго по плану, начерченному государством и жёстко им контролируемая.

⁵⁰ Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Т. 45. С. 376.

⁵¹ Карл Маркс: «...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: **уничтожение частной собственности**». («Манифест...»)

И вот он, ленинский «коренной пересмотр»: социализм – есть сочетание общественной и частной собственности, социализм – есть сопряжение государственно-плановой и стихийно-рыночной экономики. А для большей устойчивости этой системы необходимо осуществить «культурную революцию» и дать широчайший простор развитию кооперации. Это и были основы концепции «Нового социализма», или, как назвал его Юрий Буртин, «Конвергентного социализма» (то есть представляющего собой синтез демократически-либеральных и демократически-социалистических ценностей)⁵².

И два фактора, «поддержавших» эту новую концепцию. Первый: резкое и быстрое оживление российской экономики в 1922-1927 гг. И второй: навстречу «новому социализму» Ленина шёл «новый (конвергентный) либерализм» Джона Кейнса (активно включавший в либеральную теорию целый ряд социалистических ценностей). Если суть прежнего либерализма – частная собственность, рынок⁵³, то «конвергентный либерализм» - это синтез частной и общественной собственности, расширение сферы участия государства в экономике, планирование и программирование. Ленин и Кейнс шли с разных сторон, но к сходной цели.

Социальному (конвергентному) либерализму Кейнса повезло: по его лекалам строился «Новый курс» Рузвельта, с ним сверяли свои маршруты многие западноевропейские страны в послевоенный период.

А вот «Новому социализму» Ленина повезло меньше. На его пути (после смерти Владимира Ильича) стеной встало сталинское руководство, склонное к военно-коммунистическим, насильственным, административно-командным методам деятельности. И всё же, как некая теоретическая модель, он

⁵² Подробный, блистательный анализ становления и развития этой ленинской концепции – См. Буртин Ю. Другой социализм . Октябрь, НЭП и завещание Ленина в исторической перспективе. Альманах «Красные холмы. М., 1999. С. 411-511. Именно Буртин назвал эту ленинскую концепцию теорией «Конвергентного социализма». О судьбе этой концепции см. также: Водолазов Г.Г. Альтернативы истории и история альтернатив (Н. Бухарин против «казарменного коммунизма»). Социс. 2014. №№ 8, 11. А также статьи Цаголова Г.А. и Водолазова Г.Г. в книге «

⁵³ Людвиг фон Мизес: «Программа либерализма, если выразить ее одним словом, будет читаться так: **собственность, т.е частное владение средствами производства...** Все остальные требования либерализма вытекают из этого фундаментального требования». («Либерализм в классической традиции»)

продолжал свою (нелёгкую, впрочем) жизнь в научных изысканиях смелых учёных. Осторожно обходя сталинско-брежневские капканы, они развивали намеченные Лениным идеи «конвергентного социализма»⁵⁴.

И сегодня основные идеи ленинской модели «Нового социализма» могут послужить одним из важнейших источников при разработке социально-экономической стратегии развития современной России. Конечно, эта модель не может быть *просто* перенесена из 20-х годов прошлого века в современность. Корректировка потребуется. И главное, что придётся скорректировать – это дополнить ленинскую *социально-экономическую* модель концепцией сочетающейся с ней *политической* системы.

Ленин понимал необходимость основательного реформирования сложившейся к началу 20-х годов политической системы, обновления госаппарата, который переставал быть формой народоправства и всё больше превращался в бюрократическую государственную машину. «Коммунисты стали бюрократами, - пишет он в письме Г.Я. Сокольникову от 22 и 28 февраля 1922 года. – Если что нас погубит, то это». А бюрократическая система – это преддверие Термидора (т.е. репрессивно-диктаторского, антинародного режима). Как разбюрократизировать политическую систему, что надо сделать, чтобы в России реально правил народ? Эти вопросы мучили вождя советского государства. Попытка ответа на них – статья «Как нам реорганизовать Рабкрин?». Первая (впрочем, не очень конструктивная) прикидка демократизации советской государственной системы. Но на другие попытки жизнь уже не отвела времени. После смерти Ленина бюрократия укрепила свои позиции и породила своего лидера – диктатора Иосифа Сталина. Новый (нэповский) социализм без политической демократической подпитки обречён на гибель.

⁵⁴ Сталинизм: отход от ленинских идей нэпа и «Нового социализма». Альтернатива: «Конвергентный социализм» или «доконвергентный» казарменный коммунизм? Бухарин («нэповец») или Сталин? «Шестидесятники»: Возрождение (в теории) ленинско-нэповских идей (Татьяна Заславская, Андрей Сахаров, Юрий Буртин, Геннадий Лисичкин, Отто Лацис, Александр Волков...). Сегодня: Солтан Дзарасов, Георгий Цаголов, Григорий Водолозов...

Вот тут на помощь и может придти Мартов с его, в деталях разработанной, демократической программой. Это была программа демократической власти народных Советов с полным набором демократических принципов: всеобщие (а не классовые) выборы, всевозможные свободы – совести, слова, собраний, печати, независимые суды, «отмена всяких независимых от суда органов следствия и расправы, как Чрезвычайные Комиссии», «отмена смертной казни», «лишение всех партийных учреждений и ячеек прав каких-либо органов государственной власти и членов партии каких-либо материальных привилегий», «упрощение бюрократической машины путём развития местного самоуправления» и т.д., и т.п.⁵⁵.

Это были прекрасные принципы. Но вспомним время, когда они были предложены.

Мартов всё время напоминал, что Россия не доросла до социализма. Ну, что же, верно. А до Мартовской демократии доросла? Ведь реализация этих принципов предполагает и достаточно высокий уровень политической и общей культуры народа, существование традиций и навыков жить и думать в соответствии с императивами демократии. Для России того времени Мартовская демократия была не более, чем красивой утопией. Да, и предлагалась она (заметьте!) в самый разгар гражданской войны. Попытка реализовать эти прекрасные принципы в условиях военного времени – утопия в квадрате. Потому и зависали они в воздухе, потому и не получали они отклика в умах и действиях серьёзных, реалистичных политиков того времени.

Но вспомним замечательный афоризм Энгельса: Неверное в конкретно-историческом отношении становится истиной во всемирно-историческом смысле. Вот и демократическая программа Мартова утопическая, «неверная» в условиях 1918-1920 гг становится истиной в современную эпоху.

⁵⁵ См. Меньшевики в 1919-1920 гг. М., 2000. Что делать? С. 330-237. Линия социал-демократии. С. 275-280. Диктатура пролетариата и демократия. С. 389-404.

И вот вдумываясь в уроки, преподанные нам деятельностью Мартова, Ленина, всем ходом и исходом февральско-октябрьского революционного процесса, мы формулируем императивы, способные, на наш взгляд, стать основой политической стратегии прогрессивных сил современной России:

Политика, ограниченная Нравственностью

Равенство, сочетающееся со Свободой

Индивид, живущий интересами Социума и Социум, обеспечивающий права и всестороннее развитие Индивида.

Конвергентный социализм с Демократическим лицом.

Вот, собственно, и всё, к чему мы должны стремиться сегодня!